

УДК 398'54
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-142-148

Образ жаворонка в мифологических представлениях бурят

А. А. Бадмаев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Работа посвящена выделению комплекса традиционных представлений бурят о жаворонке. Выяснено, что в бурятских названиях жаворонковых заключена определенная информация об этих птицах (об ареале обитания, местах гнездования, размерах, способности к пению). Отмечается, что буряты обращали внимание на некоторые морфологические признаки птицы, в особенности на акустические возможности (способность самцов к долгому пению). Жаворонок имел высокий семиотический статус, в частности он признавался крылатым проповедником буддийской молитвы. Полагали, что эта птица служит светлым небесным силам. Буряты придавали значение символике цвета оперения птицы. С жаворонком связывается идея оборотничества. Определено, что данное пернатое отражало природные ритмы (приход весны) и время суток (утро). Отмечается неоднозначность характеристики жаворонка в традиционных мифологических представлениях бурят.

Ключевые слова

буряты, традиционное мировоззрение, шаманизм, буддизм, жаворонок, фольклор, лексика

Благодарности

Исследование проведено при поддержке проекта НИР «Символ и знак в культуре народов Сибири: XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения»

Для цитирования

Бадмаев А. А. Образ жаворонка в мифологических представлениях бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 3: Археология и этнография. С. 142–148. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-142-148

The Image of the Lark in Mythological Representations of the Buryats

A. A. Badmaev

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The purpose of this work is to highlight the complex of Buryats' traditional ideas about the lark tales.

Results. The first section of the work gives a general description of the image of the lark in Buryat culture. The Buryat names of larks contain certain information about these birds (about their habitat, nesting sites, size, ability to sing). The lark, from the point of view of the Buryats, was a harmless bird. Buryats paid attention to some morphological features of the lark, especially its acoustic capabilities (the ability of a male bird to sing for a long time).

The second section of the article deals with traditional mythological representations of the Buryats about the lark. This bird had a high semiotic status, in particular, it was recognized as a winged preacher of Buddhist prayer. It was believed that it served the good heavenly forces. Buryats attached importance to the symbolism of the color of the bird's plumage. It is revealed that they associated the idea of werewolves with the lark. In the mythological representations of the Buryats, this feathered animal reflected the natural rhythms (the arrival of early spring) and the time of day (morning) and was likely associated with the concept of time. In the epic of the Buryats, the interchangeability of im-

© А. А. Бадмаев, 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 3: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 3: Archaeology and Ethnography

ages of birds personifying the arrival of spring was characteristic, and it was associated with birds of the order of passerines. The ambiguity of the lark's characteristics in traditional mythological representations of the Buryats is noted.

Conclusion. In traditional mythological representations of the Buryats, the lark had a predominantly positive characteristic. It is attributed to the revered birds, supposedly servants of the good heavenly forces: in Buryat shamans' epics they assist the mother of gods, while the Buryat-Buddhists recognize the lark as a bird that prays and sanctifies the water. The symbolism of color, highlighted in the image of this bird, primarily reflected gender division: the white color indicated the male principle, while the gray – female. The idea of shapeshifting is associated with the lark among the Buryats. It was associated with the onset of spring and the time of day (morning). In the image of this feathered bird, the negative connotation in its connection with demonic forces and in the chthonic beginning of the bird is weakly manifested. Some traditional ideas of the Buryats about the lark (for example, as a winged singer of religious hymns) have analogies in the worldview of other peoples, which is explained by their universal character.

Keywords

Buryats, traditional worldview, shamanism, Buddhism, lark, folklore, vocabulary

Acknowledgments

The study was supported by research project “Symbol and Sign in the Culture of the Peoples of Siberia: 17th – 21st Centuries: Actualization and Conservation Strategies”

For citation

Badmaev A. A. The Image of the Lark in Mythological Representations of the Buryats. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 142–148. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-3-142-148

Введение

В традиционном мировоззрении бурят сложилась оригинальная галерея орнитоморфных образов, которые были включены в представления о пространстве и времени, в мифологию, обрядность, народную медицину и др. Исследование таких образов является одним из шагов к раскрытию проблемы взаимодействия человека и природной среды в рамках традиционного бурятского общества. К числу птиц, входящих в эту галерею и удостоившихся отдельной характеристики, принадлежит жаворонок. Ранее мы предпринимали попытку анализа бурятских орнитоморфных образов [Бадмаев, 2020], но образ данной птицы в ней не затрагивался. Целью настоящей работы является выделение комплекса бурятских традиционных представлений о жаворонке.

Источниковую базу исследования составляют этнографические, фольклорные и лингвистические материалы. В работе использованы произведения устного народного творчества, опубликованные Е. В. Баранниковой, С. С. Бардахановой, Ц.-А. Дугар-Нимаевым, В. Ш. Гунгаровым, И. А. Подгорбунским, Я. С. Смолевым, Н. О. Шаракшиновой и др. Основным языковедческим трудом для изучения бурятских воззрений о жаворонке является двухтомный словарь «Буряд-оруд толи» [БРС, 2010].

Методика исследования основана на структурно-семиотическом методе, который предполагает выявление символики, связанной с жаворонком.

Общая характеристика жаворонка в культуре бурят

Жаворонок входит в орнитофауну Юго-Восточной Сибири, причем, согласно языковым данным, буряты отмечали распространённость в регионе представителей трех различных видов семейства жаворонковых: *Булжамар*, *булжамуур* ‘обыкновенный полевой жаворонок’ (*Alauda arvensis*); *хээрын булжамуур* ‘монгольский степной жаворонок’ (*Melanocorypha mongolica*); *хайргана* ‘жаворонок рогатый’ (*Eremophila alpestris*). Бурятское название полевого жаворонка, вероятно, имеет один корень со словом *булжуухай* ‘птичка, пташка’ [БРС, 2010. Т. 1. С. 151], и передает визуально небольшие размеры этого пернатого. Наименование второго вида жаворонковых – *хээрын булжамуур* – указывает на его ареал обитания, степную зону юга Забайкалья (*хээрэ* ‘степь’ [Там же. Т. 2. С. 528]). Наконец, номинация последнего из названных выше видов этой птицы связано с предпочитаемыми им местами гнездования – глинисто-щебнистыми шлейфами низких гор, сопок и подножий сухих склонов в горных па-

дах: слово *хайргана* производно от *хайр* ‘галька, щебень’ [БРС, 2010. Т. 2. С. 381]. Кроме того, в языке бурят имеется еще одно название данного пернатого – *жэргэмэл* ‘жаворонок’, удостоверяющее его способность издавать мелодичные звуки: ср. *жэргэгшэ* ‘щебечущий’, *жэргэлгэ* ‘щебетание, чириканье’ [Там же. Т. 1. С. 365].

Между тем в традиционных воззрениях бурят, несмотря на разные названия, видовое различие у жаворонка не прослеживалось, жаворонковых рассматривали как один вид птицы, которая являлась безвредной, не наносившей какой-либо урон скотоводческому хозяйству. Жаворонковых не употребляли в пищу прежде всего потому, что они являлись почитаемыми птицами. Но дело еще и в том, что в целом охота на птиц занимала незначительное место в общей структуре промысла бурят, основными объектами которого были пушные звери, а также крупные копытные животные. Из птиц добывали только водоплавающих и бортовую дичь.

Данное пернатое принадлежит к перелетным птицам. Факт его весенней миграции (прилета) отражен в фольклоре бурят:

Булшумури надан
Бадахата надан,
Харасагайн надан
Харихата надан.
(Игра жаворонка
Во время перелета,
Игра ласточки
Во время отлета)
[Подгорбунский, 1915. С. 100].

В народе особо выделяли некоторые морфологические признаки этого пернатого. Изменения в оперении жаворонка служили для бурят основой для предсказаний летней погоды. В частности, небольшой хохолок (*зурэн*) на голове полевого жаворонка, который образно называли дождевой шапочкой, якобы указывал на то, что лето будет дождливым, а приобретение перьями птицы светло-серого оттенка будто бы предвещало наступление засухи [Линховоин, 2014. С. 190].

Буряты, наблюдая за жаворонком, обращали внимание на то, что весной в период брачных игр самцы исполняют долгую мелодичную трель, особенно во время полета. По этой причине его относили к *дууша шубууд* ‘певчим птицам’. В бурятской лексике это свойство птицы, в частности, получило отражение в таком устойчивом выражении: *Таһалгаряагуй ургэлжэ дуун* ‘непрерывная песня (о жаворонке)’.

Образ жаворонка в мифологических воззрениях бурят

Жаворонок имел небесное начало, его полет коммуницировал сакральную (небо) и профанную (землю) сферы. По мифологическим воззрениям бурят, данное пернатое служило светлым небесным силам. По этой причине его относили к ограниченному кругу птиц, наделяемых высоким семиотическим статусом. К такому выводу можно прийти, обратившись к легенде «Жаворонок» селенгинских бурят-буддистов. В ней повествуется о том, что это пернатое, долго слушавшее молитву (*тарни*) из книги «Базар биддарна», которую произносил при освящении воды один буддийский монах, стал ее петь нараспев [Смолев, 1902. С. 101]. Там же говорится, что буряты, слыша трели жаворонка, якобы запоминали слова молитвы, а птицу называли *Базар биддарна* в честь священного манускрипта. По их представлениям, жаворонок «на заре читает эти тарни и освящает воду своим купаньем», а во время «его пения и полета кверху даже хищная птица боится его убить, сознавая, что он читает божественное» [Там же]. Надо заметить, что в указанной выше легенде дается словесная имитация пения пернатого в форме буддийской молитвы, что подчеркивает сакральный характер жаворонка в мировоззрении бурят. Очевидно, в основу таких представлений легла ассоциация долгой трели самца жаворонка с молитвой монаха. Любопытно, что определенная парал-

лель с этим образом прослеживается и у славян (поляков), которые признавали жаворонка чистой, «божьей» птицей и величали певцом Божьей Матери, будто бы возносящим ей в небе молитву «Ave Maria» [Гура, 1997. С. 633–634].

В прошлом буряты давали новорожденным девочкам имя, омоничное названию жаворонка – *Булжамуур* [Митрошкина, 1987. С. 82]. Полагали, что оно введет в заблуждение нечистую силу и тем самым защитит ребенка. В бурятской эпике птице приписываются магические целебные свойства. Так, Манзан Гурмэн Тоодэй – всезнающая праматерь небожителей, лечит посредством жаворонка:

Она,
Все швы во вселенной сшивающая,
Белого жаворонка в руки взяла,
Золотого зерна ему дала,
Чтобы был он живым, был горячим он,
Чтобы вылечил принцессу Наран Гоохон.
К белой спине принцессы
Она его спиной прикладывает,
К белой груди принцессы
Она его грудью прикладывает.
Все, что велено ему, делая,
Азарга – жаворонок белый (выделено автором. – А. Б.),
На белой груди принцессы долго лежит,
Болезнь из нее вытягивая – долго лежит,
Яд из нее высасывая – долго лежит,
Колдовство из нее выманивая – долго лежит,
Принцесса из-под жаворонка встала,
Здоровехонька, как ни в чем не бывало
[Гэсэр, 1986. Т. 1. С. 32].

В приведенном фрагменте белое оперение жаворонка указывает, с одной стороны, на мужское начало, а с другой – на принадлежность его к светлым силам неба. При этом следует указать, что это пернатое не было включено в традиционную обрядность бурят, в том числе в шаманские обряды. В народной медицине бурят органы и части тела жаворонка, в отличие от некоторых других птиц, не использовались.

С жаворонком сопряжена идея оборотничества. В эпике и сказочной прозе бурят герои обращаются в эту птицу, например:

После этого
Алма Мэргэн солнцеликая
Новые заговорные слова прошептала,
Превратила себя в легкую птицу,
Жаворонком крылатым стала
[Гэсэр, 1986. Т. 2. С. 172].

В мифологических представлениях бурят серо-пестрое оперение жаворонка явно символизирует женское начало:

Серо-пестрый жаворонок
От поганой замороженной стрелы
Падает вниз.
За три пальца от земли
Остановился, повис,
Снова крыльшками встрепенулся
И царевной Наран Гоохон
Обернулся.
На вершине горы,
Отряхнувшись, царевна встала,
До той поры
На земле такой красоты не бывало
[Гэсэр, 1986. Т. 1. С. 84–85].

Примечательно, что в приведенном выше фрагменте показано поведение жаворонка в момент опасности, когда хищная птица атакует его в небе: он обычно спасается, совершая резкое падение с высоты. Основными крылатыми охотниками на него являются соколиные, а также *булжамуурай харсага* ‘букв. ястреб (охотящийся) на жаворонка, ястреб-перепелятник’ (*Accipiter nisus*); последний как противник жаворонка фигурирует в сказке «Храбрый Жэбжэнэй»: «Тогда Шагшага Мэргэн Тайжа превратился в жаворонка и полетел. Жэбжэнэй стал ястребом, пустился вдогонку и поймал его» [Бурятские волшебные сказки, 1993. С. 229].

В мифологических суждениях бурят жаворонок отражал природные ритмы. Его прилет, как было сказано, связывали с наступлением тепла: по наблюдениям орнитологов, в Юго-Восточной Сибири он возвращается к местам гнездования уже в начале марта. Данный факт отложился в эпике бурят, например, этому посвящены следующие строки:

Сорока стрекочет, зима продолжается,
В лисьей шапке Гэсэр в седле качается.
Ветры дуют, снега метут,
Вокруг носа и рта льдинки растут.
Жаворонок вьется – начало лета,
Едет Гэсэр легко одетый
[Гэсэр, 1986. Т. 2. С. 85].

Между тем в эпических произведениях бурят нередко олицетворением прихода весны выступали другие птицы – ворон [Мэньелтэ мэргэн, 1984. С. 22] и представители отряда воробьинообразных (овсянка, зырянка) [Сказания бурят..., 1890. С. 7, 18]. Подобная взаимозаменяемость образов птиц отмечается, например, в сказках славян, при этом она также связывается с пернатыми отряда воробьинообразных (жаворонком, овсянкой, малиновкой и др.) [Гура, 1997].

Жаворонок ассоциировался с определенным временем суток – ранним утром, с его пением, по традиции бурят, хорошая хозяйка должна была вставать и начинать заниматься хозяйством. Такую практику передают традиционные свадебные благопожелания невесте ее родителей. Например, ей желали:

Горячий саломат вари,
Крепкий архи кури,
Со стрекотом сороки утром вставай,
Чай свой кипяти, архи кури,
С пением жаворонка вставай,
Бозо свое кипяти
[Подгорбунский, 1915. С. 101].

Заметим, что в мифологических суждениях разных народов Евразии данное пернатое также связывается с традицией встречи весны [Гура, 1997. С. 637] и соотносится с ранним утром. Отождествление жаворонка с сезонным циклом и ранним утром, вероятно, свидетельствует об ассоциации с понятием времени.

Следует заметить, что, помимо преимущественно положительного восприятия бурятами этой птицы, встречается и его редкая отрицательная коннотация. Так, в сказке «Семь соловых кобылиц Сутая» жаворонок выступал как посланник демонического существа мангадхя [Шаракшинова, 2000. С. 151]. Кроме того, устройство им гнезда прямо на земле или среди камней, вероятно, повлияло на складывание представлений о его хтоническом происхождении (ПМА: С. О. Бильдугев).

Заключение

Представленный материал показывает, что в традиционных мифологических воззрениях бурят жаворонок имел преимущественно положительную характеристику. Его относили к почитаемым птицам, служащим светлым небесным силам. В эпике бурят-шаманистов он предстает помощником праматери небожителей, а в представлениях бурят-буддистов при-

знается птицей, возносящей молитву и освящающей воду. Символика цвета, выделяемая в образе данной птицы, отражала прежде всего гендерное деление: белый цвет указывал на мужское начало, серо-пестрый – на женское. С жаворонком у бурят связана идея оборотничества. С ним ассоциировали наступление весны и время суток (утро). В образе этого пернатого слабо проявляется отрицательная коннотация (связь с демоническими силами, хтоническое начало). Отдельные традиционные представления бурят о жаворонке (например, как крылатом певце религиозных гимнов) имеют аналогии в мировоззрении других народов, что объясняется их универсальным характером.

Список литературы

- Бадмаев А. А.** Традиционные представления бурят о птицах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 2. С. 113–120. DOI 10.17746/1563-0102.2020.48.2.000-000
- Бурятские волшебные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. Т. 5. 341 с.
- БРС – Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010а. Т. 1: А – Н. 636 с.; Т. 2: О – Я. 708 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. 1. 288 с.; Т. 2. 288 с.
- Линховоин Л. Л.** Лодон багшын дэбтэрхэ. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 464 с. (на бурят. и рус. яз.)
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Мэньелтэ мэргэн. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. 138 с. (на бурят. яз.)
- Подгорбунский И. А.** Сказания и песни бурят // Изв. ВСОИРГО. 1915. Т. 45. С. 91–107.
- Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. 1890. Т. 1, вып. 2. 160 с.
- Смолев Я. С.** Бурятские легенды и сказки // Тр. КОПОИРГО. 1902. Т. 4, вып. 2. С. 95–107.
- Шаракшинова Н. О.** Улигеры бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 153 с.

Полевые материалы автора

Бильдугев С. О., 1929 г. р., с. Хойтогол Тункинского района Республики Бурятия. Дата записи – июль 2001 г.

References

- Badmaev A. A.** Traditsionnye predstavleniya buryat o ptitsakh [Traditional representations of Buryats on birds]. *Arkheologiya, Etnografiya i Antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2020, vol. 48, no. 2, p. 113–120. DOI 10.17746/1563-0102.2020.48.2.000-000. (in Russ.)
- Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010, vol. 1, 636 p.; vol. 2, 708 p. (in Buryat, Russ.)
- Buryatskie volshebnye skazki [Buryat fairy tales]. In: Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka, 1993, vol. 5, 341 p. (in Buryat, Russ.)
- Geser. Buryatskii narodnyi geroicheskii epos [Geser. Buryat National Heroic Epic]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1986, vol. 1, 288 p.; vol. 2, 288 p. (in Russ.)
- Gura A. V.** Simvolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii [Animal Symbolism in Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 912 p. (in Russ.)
- Linkhovoin L. L.** Lodon bagshen debtepkhe [Teacher Lodon's notebook]. Ulan-Ude, Buryat-Mongol book Publ., 2014, 464 p. (in Buryat, Russ.)
- Men'elte mergen [The archer Men'elte]. Ulan-Ude, Buryats Book Publ., 1984, 138 p. (in Buryat)

- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [The Buryat anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (in Russ.)
- Podgorbunsky I. A.** Skazaniya i pesni buryat [Tales and songs of the Buryats]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society], 1915, vol. 45, p. 91–107. (in Russ.)
- Sharakhshinova N. O.** Uligery buryat [Buryat uligers]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2000, 153 p. (in Buryat, Russ.)
- Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami [Buryat legends recorded by different collectors]. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society], 1890, vol. 1, iss. 2, 160 p. (in Russ.)
- Smolev Ya. S.** Buryatskie legendy i skazki [Buryat legends and fairy tales]. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [The works of the Troitskosavsk-Kyakhtinsky Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society], 1902, vol. 4, iss. 2, p. 95–107. (in Russ.)

Field Materials of the Author

Bilduev S. O., born in 1929, Khoytogol village Tunkinsky District of the Republic of Buryatia. Date of recording – July 2001.

Материал поступил в редколлегию
Received
27.05.2020

Сведения об авторе

Бадмаев Андрей Андреевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

badmaevaa@ngs.ru

ORCID 0000-0002-9525-4366

Information about the Author

Andrew A. Badmaev, Doctor of History, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

badmaevaa@ngs.ru

ORCID 0000-0002-9525-4366